

Ю. М. СОКОЛЬСКИЙ

Занимательные
истории
об истории

Юрий Сокольский

**Занимательные
истории об истории**

«Алетейя»

2017

УДК 94
ББК 63.3

Сокольский Ю. М.

Занимательные истории об истории / Ю. М. Сокольский —
«Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-37-0

Когда читаешь серьезные исследования ученых-историков, неизбежно приходишь к выводу, что во все времена драмы и трагедии на исторической сцене разворачивались гораздо чаще, чем комедии. В истории каждой страны было много жестоких войн и кровавых переворотов, явной подлости и тайного вероломства, много предательства и лжи, которые испокон веку использовали как своё орудие оголтелые честолюбцы во всех уголках земного шара ради достижения высшей власти. Во все времена грустное соседствовало в жизни со смешным, а трагедия – с комедией или мелодрамой, а то и с откровенным фарсом. Во всем многообразии истории автора интересуют прежде всего любопытные совпадения, неожиданные аналогии, парадоксальные или трагикомические ситуации, анекдотические случаи. Описывая исторические события, автор сознательно стремится отыскать в них поучительные и курьезные, смешные и забавные эпизоды, возрождая старый добрый жанр исторического анекдота.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-906910-37-0

© Сокольский Ю. М., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
Однажды и России...	7
Бедный царевич	7
Фаворитки царей	10
Заслуженные награды	12
Братья Зубовы	14
Шерше ла фам!	17
Родственные связи	19
Верните долг!	21
Обман во спасение	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ю. М. Сокольский
Занимательные истории об истории

© Ю. М. Сокольский, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Введение

Когда читаешь серьезные исследования ученых-историков, неизбежно приходишь к выводу, что во все времена драмы и трагедии на исторической сцене разворачивались гораздо чаще, чем комедии. Как всем хорошо известно, в истории каждой страны было много жестоких войн и кровавых переворотов, явной подлости и тайного вероломства, много предательства и лжи, которые испокон веку использовали как свое орудие оголтелые честолюбцы во всех уголках земного шара ради достижения высшей власти. Но все же во все времена грустное соседствовало в жизни со смешным, а трагедия – с комедией или мелодрамой, а то и с фарсом.

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, – не историческое исследование, да она ни в какой мере на это и не претендует. Автор ее – не профессиональный историк, хотя он рассказывает о самых разнообразных исторических событиях и знаменитых людях не только России, но и Европы, Азии, Америки.

Во всем многообразии истории автора интересуют прежде всего любопытные совпадения, неожиданные аналогии, парадоксальные или трагикомические ситуации, анекдотические случаи. Описывая исторические события, автор сознательно стремится отыскать в них смешные и забавные эпизоды, иногда придавая им даже большее значение, чем они имели на самом деле. Поэтому чтение этой книги доставит немало приятных минут любому человеку, не безразличному к историческому прошлому.

Однажды и России...

Бедный царевич

В 1591 г. в г. Угличе погиб при неясных обстоятельствах девятилетний царевич Дмитрий, сын царя Ивана IV Грозного, который умер за 7 лет до этого события. Сразу после гибели мальчика возникли якобы стихийные беспорядки, в ходе которых был убит дьяк Михаил Ботяговский и еще с десятков человек, как служивших при дворе Марии Нагой, матери царевича, так и вовсе посторонних. Из Москвы в Углич отправилась специальная комиссия во главе с князем Василием Шуйским. По итогам расследования Шуйский доложил Боярской думе и патриарху Иову, что царевич-де страдал падучей болезнью, упал и напоролся на ножик, а массовое кровопролитие в Угличе организовал Михаил Нагой, брат Марии (то есть родной дядя царевича), будучи пьяным. Дума и патриарх, поверив Шуйскому, повелели Марию Нагую сослать в отдаленный монастырь близ Выксы, остальных Нагих заключить в темницы, 200 граждан Углича казнить, а всех прочих сослать в Сибирь (некоторых жителей оставили, но зато им отрезали языки, чтобы не болтали лишнего).

В народе распространялось мнение, что убийство царевича совершено по распоряжению царского шурина Бориса Годунова, который хотел стать царем после смерти бездетного царя Федора Ивановича и поэтому опасался конкуренции со стороны подрастающего царевича. Этой версии придерживался историк Н. М. Карамзин. В драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» об этом прямо говорит один персонаж – юродивый. А в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов» в уста главного героя вложены слова: «И мальчики кровавые в глазах». Таким образом, оперный царь Борис прямо признается в убийстве бедного царевича.

Между тем это не так уже потому, что царевич Дмитрий был побочным (незаконнорожденным) сыном царя Ивана IV. С его матерью, Марией Нагой, Иван IV не был венчан, ибо она была ему уже седьмой женой, а по законам православной церкви разрешалось жениться только три раза. Сразу же после смерти Ивана IV Мария, ее сын и братья были удалены из Москвы, их поселили в Угличе. Если уж кого и стоило Борису Годунову опасаться, так это родовитых бояр, являвшихся Рюриковичами по материнской линии, – Федора Мстиславского и Василия Шуйского (ибо сам Годунов происходил из незнатного рода).

Когда еще через 7 лет умер царь Федор и Земский собор стал выбирать нового царя, Борис Годунов вначале отказался от царской короны именно в пользу Федора Мстиславского. Но когда отказался и князь Федор, а царем стал-таки Годунов, то он специальным указом запретил обоим своим опасным конкурентам жениться, чтобы не создавать впредь династических помех своим детям. Можно полагать, что убийство царевича Дмитрия могло быть выгодно этим двум родовитым князьям.

Но сложившейся ситуацией воспользовался молодой инок Григорий (Юрий) Отрепьев, назвавший себя именем погибшего царевича и под этим именем даже воссевший на московский трон. Одним из решающих этапов на пути Самозванца к трону было его «опознание» матерью, Марией Нагой, в то время монахиней Марфой. В поле близ Выксы был установлен шатер, вокруг собралась многотысячная толпа, а перед входом в шатер появились Самозванец и Марфа. Марфа сказала народу: «За 14 лет ребенок вырос и изменился. Но я, как мать, знаю, что у моего ребенка есть на попке пятнышко. Сейчас мы войдем в шатер, и я посмотрю, есть ли пятнышко и на том ли оно месте». После чего оба вошли в шатер и вскоре вышли оттуда, нежно обнимая друг друга. Добродушный народ обливался слезами умиления, плакала и Марфа, – может от радости, а может и от горя, вспоминая настоящего Дмитрия.

Этот хорошо отрежиссированный спектакль вряд ли мог заранее подготовить один инок Григорий. Вероятно, спектакль помогали ставить родовитые князья, которые хотели вволю править страной (чего им не позволял властный Борис Годунов) за спиной Самозванца. Характерна деталь – «пятнышко на попке», ее мог ввести в спектакль только человек, хорошо знавший психологию толпы. Именно о пятнышке на попке народ еще долго судачил.

Став царем, Самозванец хотел изъять тело убитого царевича Дмитрия из Угличского соборного храма, чтобы не привлекать к захоронению ненужного внимания. Но Марфа этому воспротивилась. Как она могла ослушаться воли царя? По-видимому, она и не считала его царем, то есть настоящим Дмитрием. Но тогда получается, что в поле под Выксой она подчинялась кому-то другому.

Когда инок Григорий стал царем под именем Дмитрия Ивановича, князь Василий Шуйский публично признал, что он, как глава комиссии по расследованию событий в Угличе, сказал тогда неправду, его, мол, заставил Борис Годунов. Теперь князь Василий принял присягу новому царю, Дмитрию Ивановичу, надеясь, вероятно, получить от него какие-то привилегии. Но Самозванец правил, опираясь на поляков, большой отряд которых находился в Кремле. Родовитых русских князей новый царь к власти не подпускал. И тогда Шуйский совершил акт отчаяния: он заявил народу, что Дмитрий был убит в Угличе, а новый царь – самозванец, Лжедмитрий. Конечно, Шуйского незамедлительно приговорили к смерти. Но когда его уже вывели на Лобное место и князь положил свою голову на плаху, был зачитан царский указ о помиловании Шуйского.

Эта мягкотелость дорого обошлась Лжедмитрию: уже через полгода его самого убили, а новым царем стал Василий Шуйский. Теперь уже он захотел перевезти в Москву и перезахоронить там тело убитого в Угличе царевича. Этим Шуйский преследовал две цели: предотвратить появление новых Лжедмитриев и вновь кинуть тень на жестокого Бориса I Годунова. Марфа согласилась на перезахоронение, не переча Шуйскому.

Сохранилось свидетельство независимого очевидца тех событий, немецкого ландскнехта Конрада Буссова. По Буссову, сначала был изготовлен новый деревянный гроб, ибо старый совсем сгнил за 15 лет пребывания в земле. Затем был убит девятилетний мальчик (сын священника), чтобы труп выглядел «свежим». Труп мальчика вырядили в вышитые одежды, сафьяновые башмачки, в одну руку вложили платочек, в другую горсть орехов.

Процессию с гробом из Углича в Москве встречали царь, патриарх, Марфа, бояре, многочисленная толпа. Когда крышку гроба открыли, толпа ахнула от изумления: тело ребенка не имело никаких следов тления. Настоящего царевича Дмитрия раньше видели только двое – Василий Шуйский и Марфа. Первый тут же всенародно подтвердил, что в гробу – царевич Дмитрий. Марфа расплакалась, пытаясь сквозь слезы что-то сказать. Стоявшие рядом бояре говорили потом, что Марфа просила народ православный ее простить. За что простить?

Затем начались ударные сцены этого нового спектакля. Кто-то из толпы подошел к гробу, взял из руки мертвого царевича несколько орешков и храбро их съел. Эту замечательную деталь (насчет орехов) мог придумать только человек, хорошо знавший психологию толпы. Именно о сохранившихся съедобных орешках народ еще долго судачил.

После этого к гробу подполз на четвереньках какой-то убогий человек, коснулся рукой гроба и тотчас вскочил на свои мигмом окрепшие ноги. Потом к гробу подвели какого-то незрячего – и тот прозрел. Эти чудеса убедили всех собравшихся, что царевич Дмитрий – святой. На ближайшем церковном соборе царевич Дмитрий был причислен к лику святых. А открытый гроб перенесли в Архангельский собор Кремля, где он стоял еще несколько дней, и чудеса исцеления продолжались. При каждом новом «чуде» по городу звонили во все колокола. Трезвон продолжался несколько дней. Правда, однажды принесли какого-то смертельно больного человека, который тут же и умер. После этого гроб с «царевичем» поспешили предать земле.

Вот уже почти 400 лет в Архангельском соборе покоится гроб неизвестного ребенка. Никто не решается вскрыть захоронение, хотя могилу Ивана IV в свое время (несколько десятилетий тому назад) вскрывали. И до сих пор ведутся споры о том, кому было выгодно убийство бедного царевича, кто был заказчиком убийства, у кого должны были мелькать «мальчики кровавые в глазах».

Фаворитки царей

Монарх-мусульманин может иметь много жен, в гаремах у турецких султанов их бывало до трех сотен. Монарх-христианин должен иметь только одну жену, все остальные любимые женщины называются фаворитками, с ними монарх может легко расстаться в любой день (в отличие от законной жены). Расскажем здесь о некоторых фаворитках русских императоров.

Многолетней фавориткой Петра I была Анна Монс, дочь виноторговца, жившего в Немецкой слободе в Москве. Петр I подумывал даже жениться на ней и поэтому сослал в монастырь свою законную жену Евдокию Федоровну. Но Анна не знала об этих планах и вышла замуж за прусского посланника Г. И. Кейзерлинга. Петр I быстро утешился, отобрав у своего слуги А. Д. Меншикова его экономку, Марту Скавронскую, которую тот забрал у фельдмаршала Б. П. Шереметева, взявшего ее из числа шведских пленных.

Марта (в православии – Екатерина) была фавориткой Петра I около 7 лет, родила ему 11 детей, из которых 9 умерли в младенчестве. Петр I никак не решался на ней жениться, ибо она была низкого происхождения (из крестьян). Наконец, он все же решился и торжественно обвенчался с Екатериной (Мартой). Осенью 1724 г. Петру I донесли, что Екатерина изменяет ему с Виллимом Монсом, братом его бывшей фаворитки Анны Монс. Разгневанный царь повелел Виллима казнить.

Были у Петра I и кратковременные связи, например с Марией Даниловной Гамильтон, фрейлиной Екатерины. Вскоре царь расстался с Марией, и она сошлась с царским денщиком Иваном Орловым. Родившегося через несколько лет ребенка Мария задушила, за что была бита кнутом и казнена.

Петр II умер в возрасте 14 лет, говорить о его фаворитках не приходится.

Фавориткой Петра III была Елизавета Романовна Воронцова. Это была некрасивая особа, к тому же хромая от рождения. Но она приходилась родной племянницей канцлеру М. И. Воронцову, что в глазах Петра III компенсировало ее недостатки. Царь Петр III пожаловал фаворитке орден св. Екатерины, и Елизавета Воронцова стала первой в России женщиной-орденоносцем.

У Павла I фавориткой была Екатерина Ивановна Нелидова. Происходившая из бедной дворянской семьи (к роду Нелидовых относился и Юрий Отрепьев, известный как Лжедмитрий I), она окончила Смольный институт благородных девиц и стала фрейлиной царицы Марии Федоровны. Своим общительным характером, обаянием, грацией, художественными талантами она выгодно отличалась от царицы и вскоре приобрела большое влияние на царя. Все ее друзья и родственники заняли тепленькие местечки при дворе. Нелидова даже заступилась однажды за царицу Марию Федоровну, когда Павел I чуть было не отправил ее в изгнание в Холмогоры (Архангельской губернии). Обе женщины относились друг к другу холодно, но потом подружились, когда у Павла I появилась новая фаворитка, Анна Петровна Лопухина. Царь пожаловал ей орден св. Екатерины, осыпал другими милостями, но та тяготилась близостью со вспыльчивым и непредсказуемым царем. Довольно скоро, испросив разрешение у царя, она вышла замуж за князя П. Г. Гагарина. А в царском дворце вновь появилась Нелидова.

Александр I много ездил по стране, в любом из городов к нему приводили на ночь местных дам. Этих случайных женщин нельзя называть фаворитками. Длительная связь у Александра I была с Марией Антоновной Нарышкиной, которая родила ему дочь Софью. Александр I был очень привязан к дочери; две девочки, родившиеся у царицы Елизаветы Алексеевны, умерли в младенчестве. Софья также умерла в возрасте 16 лет.

Николай I заботился о том, что ныне называется имиджем. Он избегал заводить фавориток, во всяком случае, желал, чтобы об этом никто не узнал. Однако за 30 лет царствования фаворитки у царя все-таки появлялись, а сохранить тайну было невозможно. Мы здесь

отметим Варвару Аркадьевну Нелидову (родную племянницу уже упоминавшейся Екатерины Нелидовой) и Софью Александровну Урусову (в замужестве Радзивилл). Обе были фрейлинами царицы, и Николай I не смог избежать искушения.

Александр II, будучи еще наследником-цесаревичем, имел фавориткой Марию Васильевну Трубецкую (в замужестве Столыпину). На склоне лет Александр II, будучи уже отцом восьмерых детей в законном браке, не на шутку влюбился в Екатерину Михайловну Долгорукову. Он поселил ее в Зимнем дворце, где она воспитывала своих троих детей от императора. Конечно, царица Мария Александровна была этим недовольна, но перечить самодержцу считалось недопустимым. После смерти царицы Александр II женился на Екатерине Долгоруковой морганатическим браком, дав ей и ее детям титул князей Юрьевских.

Наследник-цесаревич Александр был возмущен столь легкомысленным поведением своего 62-летнего отца, но и он не смел перечить царю. Зато, когда Александра II убили террористы, Александр III не только выселил семью князей Юрьевских из Зимнего дворца, но и выслал их за пределы страны, то есть в эмиграцию. Сам Александр III, как уверяют историки, фавориток не имел.

У Николая II фавориткой была балерина Матильда Феликсовна Кшесинская. Их роман протекал в то время, когда Николай был еще наследником-цесаревичем. Перед тем как вступить в законный брак, Николай II «передал» балерину великому князю Сергею Михайловичу, а от него через 22 года она перешла к великому князю Андрею Владимировичу. Тот в возрасте 74 лет женился на Матильде морганатическим браком. А сама Матильда, пережив всех своих высокородных любовников, дожила до 99 лет.

Рассказывая о фаворитках царей, нельзя не вспомнить фаворитов цариц. Обе Екатерины и Елизавета были совершенно неумны, одаривая понравившихся им мужчин. Они раздавали им графские и княжеские титулы, высшие воинские чины, ордена, поместья, дворцы, огромные денежные суммы. Цари по отношению к своим дамам сердца были гораздо сдержаннее. Правда, Николай II построил для Матильды Кшесинской красивый особняк в столице (на Петроградской стороне). Но он заметно уступает Мраморному, Аничкову или Таврическому дворцам, которые царицы строили для своих фаворитов.

Поскольку любовь – чувство святое, закончим наше повествование строками из Библии: «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви» («Песнь песней», 2:5).

Заслуженные награды

Первый орден в России ввел Петр I – то был орден св. апостола Андрея Первозванного. Петр I награждал этим орденом в основном за военные заслуги: фельдмаршалов А. Д. Меншикова, Б. П. Шереметева, генерала (будущего фельдмаршала) Я. В. Брюса, генерал-адмиралов Ф. А. Головина и Ф. М. Апраксина, самого себя, а также еще двенадцать, включая пятерых иностранцев.

Екатерина I за два года своего правления наградила этим орденом 18 человек, в том числе 6 иностранцев. Анна Ивановна – 24 человека (в том числе и себя), Елизавета Петровна – 83 человека. Петр III за полгода царствования успел наградить Андреевским орденом 15 человек, а Екатерина II (за 34 года царствования) – 100 человек (включая себя).

Всего Андреевский орден в качестве награды получили свыше тысячи человек. Среди них были и достойные лица – фельдмаршалы А. В. Суворов, П. А. Румянцев, генерал П. И. Багратион, адмирал С. К. Грейг, но было много таких, чьи имена ничего не говорят нашим современникам.

Нередко ордена давали в связи с каким-либо политическим событием. Так, в 1807 г. Александр I, войска которого проиграли несколько сражений Наполеону Бонапарту, вынужден был заключить с ним тяжелый для России мир. Оба императора решили обставить подписание мира торжественно. Они встретились на плоту посредине пограничной реки Неман. После подписания текста мирного договора Александр I вручил Наполеону 5 орденов св. Андрея Первозванного: он наградил лично Наполеона, его брата Жерома, двух маршалов – Л. Бертье и И. Мюрата, а также министра иностранных дел Ш. Талейрана. Наполеон передал русскому императору 5 орденов Почетного легиона.

При Екатерине II был введен орден св. Великомученика и Победоносца Георгия – для наград за военные заслуги. Этот орден имел 4 степени, и предусматривалось награждение последовательно с низшей (четвертой) степени до высшей (первой). В действительности Георгиевский крест первой степени имели 25 человек (сама Екатерина II, князь Г. А. Потемкин, граф А. Г. Орлов и др.), а полных кавалеров Георгиевского ордена всех четырех степеней было всего четверо: фельдмаршалы М. И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-Толли, И. Ф. Паскевич и И. И. Дибич.

В годы Первой мировой войны, столь несчастливо протекавшей для России, Николай II никого не наградил орденом св. Георгия первой степени, и ордена второй степени было удостоено шестеро: великий князь Николай Николаевич (верховный главнокомандующий), генералы Н. И. Иванов, Н. В. Рузский, Н. Н. Юденич, а также два верховных главнокомандующих войсками Антанты – Ф. Фош и Ж. Жоффр. Сам себя Николай II наградил Георгиевским крестом только четвертой степени.

Интересно, что все три российских генерала, удостоившихся за военные заслуги Георгиевского креста второй степени, получили широкую известность уже после войны. Иванова царь направил на умирение революционного Петрограда (но из этого ничего не вышло). Рузский был одним из тех, кто настоял на отречении царя, когда тот прибыл в Псков, в его штаб. Юденич во время Гражданской войны пытался взять Петроград (из этого тоже ничего не вышло).

А вот французский маршал Фош подписал от имени стран Антанты акт о капитуляции Германии. Фош вполне мог бы рассчитывать на новый российский орден, но в России в то время шла Гражданская война, там было не до него.

В годы войны право награждать орденами и медалями младших офицеров и низших чинов предоставлялось военачальникам – начиная с командира дивизии. Конечно, возникали курьезные случаи. Один такой пример дал писатель и врач В. В. Вересаев в книге «На Японской войне». Но предварительно мы должны сделать небольшое отступление.

В то время медицинскими сестрами работали лица исключительно дворянского происхождения. Тяжелую и трудную работу нынешних медсестер выполняли мужчины-фельдшеры. А тогдашние медицинские сестры, одетые в безукоризненно белые халаты и накрахмаленные белые косынки с красным крестом, исполняли скорее декоративные функции. Они чинно ходили по палатам, ставя больным и раненым градусники, разносили лекарства, следили за раздачей пищи. Военное начальство считало также, что сестры должны развлекать господ офицеров и генералов.

Как пишет Вересаев, из сформированного в Москве госпиталя, где главным врачом был А. Л. Давыдов, в Маньчжурию выехали только две медсестры, а остальные были доукомплектованы в Иркутске из числа местных членов общества Красного Креста. По приезде в Маньчжурию медсестры-москвички часто по вечерам отправлялись в штаб корпуса, где весело проводили время до утра. Вскоре москвички были награждены золотыми медалями. «За усердие» на анненских лентах (орден св. Анны – седьмой по значению). Соблюдая приличия, медалями наградили и всех остальных сестер госпиталя, но, во-первых, только серебряными, и, во-вторых, на Станиславских лентах (орден св. Станислава – восьмой по значению).

Потом медсестры-москвички получили новые золотые медали на георгиевских лентах (орден св. Георгия – пятый по значению). Главный врач Давыдов как офицер был награжден орденом св. Анны второй степени с мечами (дополнительный знак, усиливающий значение награды).

Братья Зубовы

Наиболее известен читающей публике Платон Александрович Зубов. 22-летний поручик вдруг понравился 60-летней императрице Екатерине II, и она сделала его своим фаворитом. Предмет своей последней любви царица осыпала многочисленными наградами. Платону жаловались многие поместья, общая численность его крепостных превысила 30 000 душ. Фаворита постоянно награждали различными орденами, вплоть до высшего – ордена св. Андрея Первозванного. В течение семи лет Платон с 11-го места по Табели о рангах поднялся до 2-го, став генерал-аншефом. Одновременно он был генерал-фельдцейхмейстером (главнокомандующим артиллерией), главнокомандующим Черноморским флотом, таврическим губернатором, и все это не покидая покоев Зимнего дворца в столице.

Своего отца, отставного майора, Платон провел в обер-прокуроры Сената, где тот через год (заслужив славу отъявленного мздоимца) получил для себя и для своих четверых сыновей графский титул. А потом влюбленная Екатерина II приказала своему послу в Вене А. К. Разумовскому добиться у тамошнего императора Франца II для своего молодого фаворита титула светлейшего князя Священной Римской империи (каковой титул и был получен).

После смерти Г. А. Потемкина Платон Зубов стал фактическим руководителем всей внешней и внутренней политики империи. Сколь успешно он это делал, видно из следующего примера. Платон отправил в Англию с личным посланием Екатерины II к тамошнему королю Георгу III французского эмигранта графа д'Артуа. За графом числились большие долги разным частным лицам. По тогдашним английским законам всякий должник (кроме короля и членов парламента) мог быть подвергнут тюремному заключению, если его долг превышал 10 фунтов стерлингов. Платон Зубов об этом не знал – он отправил графа д'Артуа в опасное для него путешествие. И лишь вмешательство русского посла в Лондоне С. Р. Воронцова, специально прибывшего на корабль и убедившего графа не сходить на берег, а плыть восвояси, спасло ситуацию.

Платон Зубов затеял поход в Персию. По плану недавнего поручика русские войска должны были через Кавказ вторгнуться в Персию, потом развернуться к Турции и достичь черноморских проливов с востока. Екатерина II утвердила этот фантастический план и предложила А. В. Суворову командовать войсками. Тот наотрез отказался. Вообще Суворов откровенно называл Платона Зубова «болваном». Платон вынужден был терпеть, ибо старый фельд-маршал приходился тестем его брату, Николаю.

Зато все остальные перед Платоном раболепствовали. М. И. Кутузов (будущий фельд-маршал, а тогда всего лишь генерал-лейтенант) специально приезжал к Платону за час до его пробуждения, чтобы особенным образом сварить для него кофе, который потом относил фавориту – на виду у множества посетителей.

Платон Зубов так искренне плакал по случаю кончины Екатерины II, что Павел I, который ранее его ненавидел, вдруг пожалел осиротевшего фаворита, назначив его инспектором кавалерии. Но уже через два месяца император уволил Платона и отправил в ссылку в одно из его имений.

А 2 ноября 1800 г. царь Павел I вдруг объявил амнистию всем исключенным из службы. Вернувшись в столицу, Платон стал начальником Кадетского корпуса – и тут же примкнул к тайному заговору против царя. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. он был среди тех, кто проникли в спальню к царю. Вынув из кармана мундира акт об отречении, Платон предложил Павлу I подписать документ. Тот гордо отказался:

– Вы можете меня убить, но я умру вашим императором!

Платон резко отвернулся, а остальные заговорщики накинудились на строптивного царя и убили его.

Новый царь, Александр I, был некоторое время любезен с Платоном, но установил за ним тайную слежку. Тогда Платон попросился в отставку, захотел уехать за границу и был отпущен. Когда через несколько лет Платон вернулся, то некоторое время принимал участие в обсуждении государственных дел, но потом вновь был уволен – теперь уж окончательно. Один из богатейших людей своего времени, Платон Зубов хорошо обеспечил своих многочисленных сыновей (законных и побочных числом около десяти), положив в банк на имя каждого по миллиону рублей. (Для сравнения: месячный оклад артиста императорского театра составлял 25 рублей.)

Валериан Зубов был на четыре года моложе Платона. Будучи в качестве брата Платона представлен Екатерине II, он обратил на себя ее внимание высоким ростом и хорошей статью. Впоследствии поэт Г. Р. Державин воспел Валериана в оде «К красавцу». Платон сразу же стал ревновать брата и добился скорой его отправки в действующую армию к Г. А. Потемкину. Тот юношу берег от стычек с неприятелем, используя его для более легких и выгодных поручений. Так, Валериан привез в Петербург известие о взятии г. Бендеры. Екатерина II, обрадовавшись приятному сообщению, одарила юношу милостями: присвоила чин полковника, пожаловала 10 000 рублей, золотую табакерку и перстень с собственной руки.

Через год Валериан Зубов вновь приехал в столицу – с известием о взятии Измаила, за что получил чин бригадира. (Взявший Измаил генерал-аншеф Суворов не получил никакого повышения.)

После смерти Потемкина Валериан вновь прибыл в Петербург, где изъявил готовность отправиться волонтером в армию союзников по антифранцузской коалиции – и сразу же был произведен в генерал-майоры (ему тогда было всего 20 лет).

Через три года он участвовал в подавлении восстания поляков в Варшаве. Одним и тем же ядром оторвало левую ногу генералу Зубову и правую руку – полковнику Рароку. Генерала тотчас доставили в полевой госпиталь, где ему ампутировали ногу, перевязали культю и отправили в тыловой госпиталь. Полковника оставили на поле боя без всякой помощи, и он умер от потери крови.

Когда Валериан Зубов вернулся в Петербург на деревянной ноге, Екатерина II наградила его орденом св. Андрея Первозванного, выделила ему 100 000 рублей на лечение, сверх того – 300 000 рублей на уплату карточных долгов, подарила ему дом на Миллионной улице (вблизи Зимнего дворца) и назначила ежегодную пенсию в 130 000 рублей. Но Валериан из армии не уволился, а согласился возглавить Персидский поход (вместо Суворова). За это сразу же был произведен в генерал-аншефы.

В Персидском походе русским войскам первоначально сопутствовала удача, они овладели городами Дербентом и Баку, но вскоре выяснилось, что армия увязла в длительной и кровопролитной войне. Павел I, вступив на престол, написал повеление к каждому из командиров полков: «С получением сего выступить на неперменные квартиры» в такую-то губернию, в такой-то город. Царь хотел, чтобы спешное возвращение войск совершилось без ведома главнокомандующего. Зубов и его штаб, покинутые на неприятельской земле, неминуемо оказались бы в плену у персов, если бы атаман М. И. Платов не ослушался царя и не остался со своими казаками охранять Валериана Зубова. По возвращении в Петербург Платов был посажен в Петропавловскую крепость, где пробыл 3 года, пока самому Павлу I не захотелось начать очередной Персидский поход. Платов был назначен командующим, а Валериана Зубова, лишив всех его имений, отправили в ссылку – к брату Платону.

Но потом, как и Платона, его амнистировали и тоже дали под командование Кадетский корпус. Как и Платон, Валериан Зубов участвовал в заговоре против Павла I, но на своей деревянной ноге он доковылял до Михайловского замка слишком поздно – когда царя уже убили.

Николай Зубов знаменит тем, что первым известил наследника-цесаревича Павла о смерти Екатерины II. С этого момента Павел становился наконец-то императором. Павел так обрадовался, что наградил гонца орденом св. Андрея Первозванного. Так Николай стал

третьим из братьев, получившим высшую награду страны. Николай был женат на Наталье Александровне Суворовой, дочери полководца. Николай также участвовал в заговоре против Павла I, он первым нанес удар в висок императору тяжелой золотой табакеркой, которую когда-то царь ему и подарил.

Дмитрий Zubov, четвертый из братьев, также служил в гвардейских полках, дослужился до чина бригадира, потом вышел в отставку. Он пережил всех своих знаменитых братьев, сам не совершил ничего выдающегося – ни хорошего, ни плохого.

Шерше ла фам!

Выражение, вынесенное в заголовок, в переводе с французского означает «ищите женщину!». Французы утверждают, что во всякой злой интриге, где замешана любовь, нити интриги находятся в руках какой-то коварной женщины.

В истории дуэли и смерти А. С. Пушкина, как кажется, есть одна женщина – жена поэта, Натали Пушкина (Гончарова). Она длительное время легкомысленно позволяла ухаживать за собой Жоржу Дантесу и даже ездила к нему на свидание. Но, будучи страдающей стороной, она не могла создать интригу против самой себя. Поэтому историки на роль главного интригана выдвигали других лиц: жену министра К. В. Нессельроде, графиню С. А. Бобринскую, а также мужчин – князя И. С. Гагарина, барона Л. Геккерна де Беверваарда. Сейчас большинство исследователей склоняются к тому, что нити злой интриги шли от Идалии Григорьевны Полетика.

Ее отец, барон (затем граф) Г. А. Строганов, был в начале XIX века русским послом в Испании. Там он сблизился с женой одного придворного (графа д'Ега), родилась дочь, которую называли Идалией. Через много лет, когда умер граф д'Ега, а Строганов овдовел, родители Идалии вступили в законный брак. Так Идалия оказалась в Петербурге и стала жить во дворце Строгановых (на углу набережной р. Мойки и Невского проспекта).

Семейство Строгановых было в родстве с семейством Гончаровых, и Идалия приходилась троюродной сестрой и Натали, и ее сестрам, Екатерине и Александрине. Пушкин на правах родственника часто бывал во дворце Строгановых, слушал рассказы старого и ослепшего графа о заморских странах (а тому, кроме Испании, довелось побывать в Англии, Германии, Италии). Пушкину все было интересно, ибо самому не удалось побывать за рубежом.

Идалия на правах родственницы тоже часто бывала в доме Пушкиных (они часто меняли квартиры, но в 1836 г. жили на набережной р. Мойки, недалеко от дворца Строгановых). Сама же Идалия к тому времени жила в Новой Деревне, где располагался Кавалергардский полк, в котором полковником служил ее муж, А. М. Полетика. В этот полк служили и часто бывали в доме своего полковника офицеры Ж. Дантес и П. П. Ланской (впоследствии – второй муж Натали).

Идалия все время одолевала Пушкина просьбой написать ей стихи в альбом. Пушкин долго отказывался. Раньше, когда был холост, он частенько писал стихи в альбомы светских красавиц, но, став женатым, считал это неприемлемым. И все же Идалия его уговорила (сейчас бы сказали «достала»). Немного подумав, Пушкин сочинил экспромт, потом взял в руки гусиное перо и написал текст на странице альбома своей родственницы. Размашисто расписался. Затем перечел написанное – и смутился: стихи получились такие, что можно было подумать, будто поэт влюблен в хозяйку альбома. Пушкину не хотелось, чтобы такие стихи были бы использованы против него. Он поставил дату: 1 апреля 1836 г., хотя была уже поздняя осень. Стихотворение, похожее на признание в любви, превратилось в первоапрельскую шутку.

Идалия, видя, как Пушкин пишет стихи ей в альбом, млела от восторга. Она предвкушала, как будет хвастаться этими стихами перед своими друзьями. Восторг сменился ликованием, когда она начала читать текст. Но что это? Такая несуразная дата! Идалия поняла, что эти стихи ей никому показывать нельзя. Она почувствовала себя оскорбленной и решила отомстить Пушкину.

Через некоторое время Натали получила от Идалии записку: та приглашала ее приехать к себе, чтобы поделиться важной новостью. Ничего не подозревавшая Натали поехала к родственнице в Новую Деревню (приблизительно полчаса езды в карете или санях). Идалия, однако, куда-то торопилась, сказала, что скоро вернется, и просила Натали подождать ее. А

чтобы та не скучала, ее готов развлекать поручик Дантес, который тут же явился из соседней комнаты. Идалия быстро исчезла, Натали осталась в обществе Дантеса.

О том, что происходило потом, известно из воспоминаний княгини Веры Федоровны Вяземской, к которой Натали приехала вскоре очень взволнованной. По словам Натали, Дантес, когда они остались в комнате одни, вынул пистолет и сказал, что непременно сейчас застрелится, если Натали ему тут же не отдастся. Он-де ее безумно любит, жизнь ему дорога, а Натали, став причиной его смерти, будет вечно терзаться за свою бесчувственность. Натали (по ее словам) была ошеломлена таким напором, она пыталась образумить офицера, но тот упорствовал, то хватаясь за пистолет, то хватая Натали за руки. Вдруг открылась дверь, в комнату вошла малолетняя дочь Идалии, и Натали вместе с нею вышла из комнаты.

В этом рассказе нас смущает одно обстоятельство. Как мог Дантес, подготовивший (вместе с Идалией) ловушку для Натали, не позаботиться о том, чтобы дверь в комнату была закрытой. Для опытного повесы, каким был Дантес, это непростительный «прокол».

Неизвестно, возникли ли у княгини Вяземской такие же сомнения, но она посоветовала Натали ничего мужу не говорить. Пушкин последнее время очень нервничал; летом, будучи в Москве, он по совершенно незначительному поводу вызвал на дуэль графа В. А. Соллогуба. Друг Пушкина, П. В. Нащокин, которого поэт просил быть его секундантом, смог тогда дуэль предотвратить. Сейчас Пушкин вполне мог вызвать на дуэль Дантеса, а Нащокин, живущий в Москве, ничего не будет знать.

Княгиня Вяземская и Натали благоразумно решили держать Пушкина в неведении относительно злополучного свидания в доме Полетики. Но Пушкину об этом услужливо сообщили. Александр Сергеевич поинтересовался у жены, как было дело. Та повторила то, что рассказала ранее княгине Вере Федоровне. Пушкин без колебаний вызвал Дантеса на дуэль.

До конфликта с Дантесом Пушкин вызывал на дуэль не только Соллогуба, но еще более десяти разных лиц. Дважды дело доходило до пистолетов. Но Пушкин никого из своих недругов не убил и не ранил, да и сам остался цел и невредим. Однако все это было до истории с Дантесом.

Пуля Дантеса попала Пушкину в живот и, не будучи извлечена (тогда не было рентгена и определить местонахождение пули оказалось невозможным), вызвала заражение крови и смерть поэта. Пушкин стрелял уже будучи раненым, лежа на земле, поэтому его пуля летела под углом. Задев руку Дантеса, пуля ударилась о медную пуговицу офицерского мундира и рикошетом отлетела в сторону. Дантес отделался легким ранением руки, хотя и упал от сильного толчка пули.

Пушкин погиб. Полетика прожила после этого еще полвека, последние годы – в Одессе. Когда узнала, что там решили поставить памятник Пушкину, собиралась специально приехать, дабы плюнуть на статую. До открытия (в 1885 г.) памятника злая старуха не дожид.

Родственные связи

Героем этой истории является великий князь Михаил Михайлович, в дальнейшем – Мих. Мих. Он был вторым сыном великого князя Михаила Николаевича, генерал-фельдмаршала, героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Мих. Мих. как и его отец, служил в армии – флигель-адъютантом в гвардейском Егерском полку. Служба его не удовлетворяла, к тому же на штабной должности чины шли медленно, и он не имел надежды повторить служебный успех отца. Мих. Мих. надеялся, что сможет себя по-настоящему проявить в семейной жизни.

Согласно законам Российской империи великие князья из рода Романовых должны были жениться династическим браком, то есть на представительницах других правящих родов (принцессах, королевах и т. д.). Это делалось для того, чтобы сохранялось как можно больше наследников российского престола из рода Романовых. Нединастический, то есть морганатический, брак разрешался лишь с согласия самого императора. Мих. Мих. дважды имел возможность вступить в династический брак, но всякий раз свадьба расстраивалась. И тогда он решил, что ему надлежит жениться морганатическим браком.

В предстоящем разговоре с царем он имел, как ему казалось, два веских довода. Во-первых, его очередь в ряду наследников престола была в конце второго десятка, и реального ущерба династии Романовых его брак не нанес бы. Во-вторых, в памяти у всех еще была свежа история с покойным императором Александром II, который после смерти своей жены Марии Александровны (бывшей принцессы Гессенской) женился на русской княжне Екатерине Михайловне Долгоруковой. Мих. Мих. присмотрел себе дочь министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева, Екатерину. Утвердившись во мнении, что имеет неплохие шансы на взаимность, он завел разговор о своем предполагаемом браке с Александром III. Тот ответил категорическим отказом.

Несостоявшаяся великокняжеская невеста Екатерина посвятила всю свою жизнь служению больным и страждущим, став медицинской сестрой. Через 20 лет, во время русско-японской войны, она поехала в далекую Маньчжурию, чтобы работать в госпитале.

А самого Мих. Мих. Александр III отправил за границу наблюдать за лечением его младшего брата Георгия. Через год Георгий поправился, вернулся в Россию и женился на дочери греческого короля Георга I, Марии, приходившейся Георгию и Мих. Мих. двоюродной племянницей. Родственные связи в династических браках были неизбежными из-за узости круга избираемых лиц. Еще один брат Мих. Мих., Александр, также женился на своей двоюродной племяннице, Ксении, приходившейся родной дочерью императору Александру III.

Когда брат Георгий уехал в Россию, Мих. Мих. остался за границей, как тогда представлялось, на некоторое время. Он встретил там графиню Софью Николаевну Меренберг, влюбился в нее и, не спрашивая разрешения у царя, женился морганатическим браком. Софья, правда, имела некоторые основания на признание династических прав, но об этом позже. Главное – она приходилась внучкой самому Александру Сергеевичу Пушкину!

Когда Александр III узнал, что внук Николая I женился на внучке Пушкина, он сильно разгневался. Царь распорядился исключить негодника из рядов российской армии, запретил ему въезд в Россию, лишил причитающихся ему как великому князю денежных субсидий. Мать Мих. Мих., Ольга Федоровна (бывшая принцесса Баденская), умерла от сердечного приступа. Мих. Мих. получил поддержку от своего отца-фельдмаршала, на предоставленные ему средства купил два дома – в Англии и во Франции, и далее в течение 35 лет жил безмятежно за рубежом вместе с женой Софьей. У них было двое детей. Младшая дочь, Надежда, вышла впоследствии замуж за германского принца Людвига Баттенберга, родственника по материнской линии и русских царей, и английских королей. Это родство осуществлялось через датских принцесс Александру и Дагмару, на которых были женаты соответственно английский король

Эдуард VII и русский царь Александр III. А по отцовской линии Людвиг Баттенберг был родственником болгарского царя.

Теперь вернемся к генеалогическому древу Софьи Меренберг. Ее мать, Наталья Александровна, была младшей дочерью великого поэта. Во втором браке она была женой герцога Нассауского, Николая (старший брат которого, Адольф Вильгельм, между прочим, был женат на внучке русского царя Павла I). По условиям морганатических браков Наталья Пушкина не могла стать герцогиней Нассауской, она стала графиней Меренберг, этот титул перешел и к детям – Софье и Георгу.

Адольф Вильгельм вскоре стал правящим герцогом Люксембургским. По просьбе Мих. Мих. он пожаловал своей племяннице Софье титул наследственной графини де Торби: так брак Мих. Мих. и Софьи перестал быть морганатическим. Тотчас русский царь (к тому времени Николай II) разрешил Мих. Мих. вернуться с семьей в Россию, снова зачислил его в армию, присвоил чин подполковника и даже определил ему место службы (на Кавказе, вблизи родового имения Тори). Но Мих. Мих. предпочел остаться за рубежом.

Мих. Мих. не мог смириться с тем, что в связи с морганатическим (в ту пору) браком возник скандал, стоивший жизни его матери. В то же время, когда в аналогичной ситуации оказался великий князь Кирилл Владимирович, шума было значительно меньше. Когда Кирилл женился на Виктории, отбив ее у герцога Эрнста (брата русской царицы Александры Федоровны), Николай II наказал не самого Кирилла, а его отца, сняв его с должности командующего войсками столичного гарнизона. В тот момент Кирилл был четвертым по счету наследником престола. (После революции именно Кирилл провозгласил себя главным претендентом на российский трон.)

Умер Мих. Мих. в 1929 г. в возрасте 68 лет, всего на два года пережив свою жену, Софью де Торби-Романову.

А родной брат Софьи, Георг Меренберг, женился на дочери Александра II от Екатерины Юрьевской, Ольге. Этот брак вторично связал род Романовых с родом Пушкиных. Надежда Романова, например, по отцу была правнучкой Николая I, а по матери – правнучкой Пушкина.

Верните долг!

Россия и Турция не всегда воевали друг против друга; был период, когда они сражались плечом к плечу. В течение трех последних лет XVIII века совместная русско-турецкая эскадра под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова освободила от французов Ионические острова в Средиземном море. На острове Корфу (Керкира) к русским морякам попал 54-пушечный линейный корабль «Леандр».

Этот корабль участвовал в знаменитом морском сражении при Абукире, когда английский флот под командованием адмирала Г. Нельсона разгромил французский флот, и армия Наполеона Бонапарта в Египте оказалась отрезанной от Франции. Адмирал Нельсон отправил один из своих линкоров, «Леандр», в Англию с известием о славной победе. Но корабль был перехвачен французами и так попал на о. Корфу. По традиции того времени захваченное судно становилось призом победителя. Адмирал Ушаков назначил капитана первого ранга Н. Г. Литвинова командиром линкора и велел ему поднять на мачте Андреевский флаг.

Но Павел I решил проявить по отношению к Англии благородство и вернуть ей «Леандр». Повинуясь высочайшему повелению, русский капитан Литвинов передал линкор английскому капитану Стефенну.

Английский король Георг III тоже решил проявить благородство и направил в Петербург 10 000 фунтов стерлингов (120 000 рублей) в качестве приза тому, кто первым овладел кораблем. Эти деньги получил английский посол в Петербурге Ч. Уитворт.

Но неожиданно Павел I рассорился с англичанами. В начале 1800 г. Уитворт покинул Петербург. Военная кампания против Франции была завершена, Павел I начал готовить новую кампанию – против Англии.

В связи с завершением русско-турецкой экспедиции против французов капитан Литвинов вернулся в Россию. Тут ему сообщили не совсем ясные слухи о том, что его ожидает огромная сумма за захват «Леандра». Литвинов прибыл в Петербург, добился аудиенции у царя в феврале 1801 г. и попросил его выдать ему причитающиеся деньги, присланные англичанами. Павел I подтвердил, что денежный приз принадлежит капитану Литвинову и обещал ускорить прохождение нужных документов, которые застопорились из-за отбытия английского посла.

Как известно, Павел I резко сократил число чиновников, ведавших делопроизводством, все пытался делать сам, для чего начинал свой рабочий день в 6 часов утра. Документами относительно приза капитана Литвинова Павел I не успел распорядиться: через пару недель царя убили.

Потом в Петербург прибыл новый английский посол Б. Уоррен. Через 2 года он перевел хранившиеся в посольстве деньги на счет российского Министерства морских сил. Министр П. В. Чичагов не знал об устном обещании Павла I капитану Литвинову. До министра дошли только не совсем ясные слухи о назначении этой суммы. Чичагов распорядился разделить деньги между всеми адмиралами и офицерами, отличившимися при штурме о. Корфу.

Литвинова в России в ту пору не было – он принимал участие в очередной антифранцузской коалиции, находясь в Неаполитанском королевстве. Вернувшись в Россию, он обратился к Александру I с просьбой о выдаче принадлежавших ему денег. А что выдавать, когда деньги уже потрачены? Но и отказать храброму капитану нельзя: штурм о. Корфу еще не изгладился в памяти. Александр I распорядился выдать Литвинову из причитавшегося приза 25 000 рублей, а остальные записать в долг.

Долг – так долг, капитан Литвинов стал терпеливо ждать. Прошли годы. Литвинов сменил морскую форму на общеармейскую, а чин остался прежний – полковник. Деньги пока что из царской канцелярии не поступали. Напоминать о себе было как-то неудобно.

Началась Отечественная война 1812 г. Уходя на фронт, полковник Литвинов оставил своей жене, Авдотье, доверенность на получение причитавшейся ему суммы 95 000 рублей. Для жены, на руках у которой оставалось пятеро малолетних детей, эти деньги были бы очень кстати. Поэтому она обратилась с письмом к канцлеру Н. П. Румянцеву. Тот переслал письмо военному министру С. К. Вязмитинову. Бумага три года ходила по разным учреждениям, а денег Литвинова не получила.

В 1815 г., по завершении войны с Наполеоном, вернулся домой полковник Литвинов, больной и израненный. Через три месяца он умер. Вдова, отчаявшись получить деньги сама, переуступила права на получение призовых денег купцу первой гильдии Ф. И. Юдину. Но и расторопный купец не мог преодолеть бюрократических барьеров. Дело осложнялось тем, что виновный в израсходовании суммы не по назначению адмирал Чичагов сразу после завершения Отечественной войны (где он оскандалился, «выпустив» Наполеона) покинул пределы России.

Через 10 лет (!) к борьбе за возвращение долга подключился старший сын Литвинова, отставной подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка П. Н. Литвинов. Года два ушло у него на тяжбу с Юдиным, который долго не хотел переуступать свою доверенность. Наконец, получив от купца требуемую бумагу, отставной подпоручик сам стал ходить по инстанциям, но с тем же результатом. В 1830 г. он в сердцах бросил эту канитель после того, как с него самого затребовали 8 рублей за предоставление копии какой-то справки.

Вернуть долг всегда было большой проблемой, получить долг от государства – безнадёжной затеей.

Обман во спасение

2 декабря 1805 г. произошла битва под Аустерлицем. В этом сражении участвовали с одной стороны – французские войска (73 тысячи человек) под водительством Наполеона Бонапарта, с другой стороны – объединенные силы Австрии (15 тысяч) и России (60 тысяч).

В войсках союзников находились одновременно оба монарха: австрийский император Франц II и российский император Александр I. Оба они не считали себя достаточно опытными полководцами и поэтому решили пригласить в качестве главнокомандующего настоящего военного специалиста, который (как они надеялись) мог бы противостоять военному искусству Наполеона. Выбор пал на французского генерала Ж. Моро, который из-за разногласий с Наполеоном сбежал в Америку. Александр I послал в Америку за Моро одного из своих придворных, а пока – до его приезда – назначил главнокомандующим русского генерала М. И. Кутузова.

Французы и союзники долго маневрировали, прежде чем остановились на поле близ Аустерлица (ныне г. Славков, Чехия). Александр I и Франц II вознамерились, не откладывая, дать сражение Наполеону на этом поле, тем более, что союзникам удалось занять господствующие высоты. Осторожный Кутузов возражал, доказывая, что благоразумнее подождать резервов (около 200 тысяч человек), которые вскоре должны были подойти. Но Франц II рвался в бой: три недели тому назад французы заняли столицу Австрии, Вену, захватив много пленных. Франц II жаждал реванша. Александр I отстранил Кутузова и взял на себя командование войсками.

Александр I поручил австрийскому квартирмейстеру полковнику Ф. Вейротеру составить план сражения. План обоим императорам понравился: союзные войска должны были спуститься с господствующих высот в долину, обхватить французские войска с флангов и, окружив, принудить их к сдаче. Составитель плана предполагал, что французы будут спокойно ждать, пока их окружают враги. План Вейротера был явно плохим, но оба императора его утвердили. Мнения отстраненного Кутузова никто не спрашивал.

Когда началось сражение и союзные войска начали медленно спускаться с холмов в долину, французы стремительно ринулись вперед. Они прорвались через походные порядки противника и стали их громить и с фронта, и с тыла. Потеряв много убитых, и австрийцы, и русские отступили.

Австрийский император Франц II в тот же день послал к Наполеону парламентаря, предлагая заключить сепаратный (отдельный от России) мир. Наполеон на это, конечно, согласился. И через несколько дней мирный договор между Австрией и Францией был подписан. Австрия потеряла шестую часть принадлежавших ей территорий, зато французы вернули Вену, и Франц II туда уехал.

Русский император Александр I не запросил мира, он торопился вывести свои войска со столь несчастливой для него поля под Аустерлицем. Наперерез русским устремился французский корпус под командованием генерала Л. Даву. Создалась реальная угроза полного разгрома и пленения. Тогда Александр I решил обмануть Даву.

Он выслал к французам парламентаря.

– Нам не следует сражаться, ибо уже начались мирные переговоры между императорами, – заявил русский парламентар французскому генералу.

Даву об этом ничего не знал, он потребовал письменных подтверждений. Парламентар отправился обратно в русский стан и вскоре вернулся, привезя с собой письмо самого царя. Александр I в письме, написанном по-французски, подтверждал то, что сказал парламентар, и просил беспрепятственно пропустить русскую армию. Текст письма был скреплен личной печатью российского императора.

Даву не посмел усомниться в правдивости письма. Русские войска ушли беспрепятственно. Наполеон, узнав, как русский царь обманул Даву, очень возмущался, но было уже поздно.

В Петербурге Дума Георгиевских кавалеров подготовила постановление о награждении орденом св. Георгия Победоносца первой степени императора Александра I. Царь от такой чести отказался, но не полностью: он подписал указ о награждении себя этим орденом, но только четвертой, низшей степени.

Через 8 лет после описываемых событий произошло сражение, которое вошло в историю как «битва народов». В этой битве снова противостояли друг другу французы и австрийцы вместе с русскими. В союзе с французами выступали поляки, баварцы, итальянцы, а в союзе с австро-русскими войсками воевали прусские, английские и шведские части. Всего в этом сражении (которое происходило в течение трех дней вблизи Лейпцига) участвовало полмиллиона человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.